

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 88-104
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.88

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Kalmyk Factor in the History of the Kazakh Steppe: Migrations and the “Great Last Camping” of 1771

Ernar M. Uzhkenov ^a, Zaire S. Tabynbayeva ^a, Galiya A. Shotanova ^{b, *}

^a Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article explores one of the least studied periods in the history of Kazakhstan, beginning around 1600 year. The seventeenth century marked an era of profound change across the Great Steppe. The process of widespread decentralization coincided with the gradual decline of the remnants of the Golden Horde and the emergence of new peoples. Rapid shifts in political dominance and the constant emergence of new threats compelled local societies to adapt. These transformations affected not only state territories but also patterns of lifestyles, military strategies, and even everyday practices, ultimately leading to modifications in customs and traditions. Under the threat of war, the Kazakhs were forced to abandon their relatively slow-moving kibitkas characteristic of earlier times and switch to lighter, more mobile yurts.

The westward expansion of the Kalmyks, driven by the search for new pastures and settlement areas, acted as a major catalyst for these changes. Internal fragmentation and weakening of the main nomadic polities of the region – the Nogai and Kazakh Hordes – allowed the Kalmyks to achieve a number of military and political successes. However, the relatively stable institutions of the Kazakh Horde allowed it not only to retain part of its territory but also to eventually regain lost lands. At certain stages, some Kalmyk groups even became part of the Kazakh Khanate. The Chinggisid lineage of the Kazakh rulers and the comparatively large population of the Steppe played a key role in this process. For instance, despite a series of defeats inflicted on the Nogais, the Kalmyks managed to push them out of the western Kazakh steppes only by the mid-seventeenth century.

The wide settlement of the Kalmyks across the Kazakh Steppe is well documented in historical maps and written sources. Relations between the Kazakhs and Kalmyks are especially well reflected in Russian archival materials. Due to the Steppe's proximity to the borders of the Moscow Tsardom, Russian officials and the Posolsky (Ambassadorial) Prikaz closely monitored power shifts in regional and the formation of alliances. Particular attention was paid to the nature of temporary or long-term agreements concluded between the Kazakhs and the Kalmyks. The relative weakness of Russian frontier garrisons and the period of political instability known as the Time of Troubles within Muscovite state itself prompted a careful examination of possible coalitions between the major steppe powers.

The Kalmyks, as one of the principal actors in Central Asian political affairs of the seventeenth century, maintained a degree of autonomy even as they collectively moved westward. In essence, their advance into the Kazakh Steppe represented the migration of individual tribes and clans united by a general tendency toward the Caspian region. The fragmentation and eventual collapse of the Nogai Horde allowed the Kalmyks to consolidate control over certain areas of Kazakhstan and later occupy former Nogai pastures.

* Corresponding author

E-mail addresses: sh.galiya08@gmail.com (G.A. Shotanova), e81g@mail.ru (E.M. Uzhkenov), uly.dala2024@mail.ru (Z.S. Tabynbayeva)

The historical role of the Kalmyks in the formation and development of the Kazakh state remains insufficiently examined and often underestimated, which complicates the objective reconstruction of Kazakhstan's broader historical narrative.

Keywords: Kazakh steppe, Kazakhs, Kalmyks, history of Kazakhstan, nomads, migrations, 17th century, historical geography.

1. Введение

История XVII века остаётся одним из малоизученных периодов в истории Казахстана. Последующие бурные события XVIII века, договор Абулхаир хана с Российской империей, Отечественная война с джунгарами, выход Цинского Китая на границы с центральноазиатским регионом, во многом затмили историю XVII века, хотя именно там зрели зерна многих последующих изменений, трансформаций и катастроф. Общий упадок кочевого строя, его полное отставание от земледельческих цивилизаций, заставлял кочевые государства всё больше сосредотачиваться на торговле с соседними регионами, зависимость от товаров с которыми всё больше росла. Огнестрельное оружие, ставшее символом перемен, стало тем самым универсальным оружием, обладание которым сразу ставило противника в невыгодные условия. Близость к рынкам Средней Азии, народы которых, благодаря продолжавшей функционировать трансконтинентальной торговой артерии, не только познакомились, но и сумели наладить его производство, позволила правителям Казахского ханства подготовить реальную военную силу. Мобильная и сплочённая армия и обладание огнестрельным оружием позволили Казахской Орде стать одним из гегемонов центральноазиатского региона на рубеже XVII–XVIII веков. Захват крупных торговых, политических и культурных столиц в Средней Азии и дисциплинированная армия могли бы заставить всю историю региона пойти другим путём. Однако ранее неучтённый фактор, совпавший с общим регрессом кочевых государств, изменил весь ход истории. Этим фактором стала миграция калмыков на территорию Казахской степи, что кардинально изменило весь естественный ход событий. Калмыки, изначально начавшие своё движение с северо-востока от Казахской степи, вскоре широко расселились по всей территории Южной Сибири, а впоследствии массово начали миграцию на юг. Столкнувшись с сопротивлением возрождающегося Казахского ханства, калмыки стали теснить ногаев далее на запад, что позволило им занять прежние кочевья последних.

История казахско-калмыцких отношений в период этой миграции неоднократно сменялась: от ведения мирных переговоров до военного противостояния. Однако в целом калмыки придерживались собственно центральноазиатских традиций строительства государственности, что, конечно же, облегчало решение скопившихся проблем относительно мирным путём. Наличие общих традиций и практически идентичных способов ведения хозяйства позволило обоим народам выстроить необходимые для мирного соседства коммуникации.

2. Методы и материалы

В рамках настоящего исследования для глубокого изучения ключевых событий XVII века, объединённых историей связей калмыков и казахов, применяется комплексный подход, основанный на изучении разнообразных источников и фундаментальных трудов современников. Основу исследования составили также картографические материалы из Национальной библиотеки Франции, Библиотеки Университета Вроцлава, Королевской библиотеки Швеции, отражающие историческую динамику изучаемого периода.

В ходе исследования проблемы расселения калмыков на территории Казахской степи в XVII веке активно использовался метод историзма, который включал в себя анализ письменных источников, а также исторических карт рассматриваемого периода. Это позволило выявить основные направления расселений калмыков, а также лучше понять возрастание тенденций миграции именно в западном направлении. Кроме того, были использованы междисциплинарный метод, учитывающий данные по палеоклимату Западно-Казахстанского региона, и диахронический подход, который помог лучше понять изучение изменений во времени.

Рассматриваемые как письменные, так и картографические сведения позволяют установить три устойчиво фиксируемые зоны присутствия калмыков. Первая зона охватывала северное и восточное побережье Каспийского моря, включая участки дельты реки Урал. Вторая включала приуральские степи, где калмыцкие улусы осуществляли временные кочевья и вступали в контакт с ногайскими и казахскими племенами. Третья зона охватывала Мангыстау и плато Устюрт, куда калмыцкие группы выходили в условиях ограниченного доступа к пастбищным ресурсам в основной зоне кочевий.

3. Обсуждение

Особенности калмыцкого присутствия в западноказахстанских степях в XVII–XVIII веках, а также причины и характера их ухода из региона получили широкое отражение в исторической литературе. В контексте истории евразийских степей этого периода калмыцкий фактор рассматривается не только как элемент миграции, но и как часть более широкого процесса трансформации степного мира. Современная историография рассматривает процессы передвижения

как составную часть более широкой системы кочевого движения в пределах евразийской степной зоны, в которой калмыки занимали промежуточное положение между российскими юго-восточными рубежами и внутренними районами Средней Азии.

Установление контроля калмыцких улусов над прикаспийскими степями в историографии трактуется как следствие ослабления ногайских орд и постепенного расширения ойратского политического влияния в западном направлении. Данный процесс сопровождался и борьбой за пастбищные ресурсы, и постепенным вовлечением региона в орбиту политических интересов Москвы и Санкт-Петербурга, что особенно проявилось в XVIII веке. Историк Ж. Кундакбаева писала: «История волжских калмыков относится к 1630 г., когда главный из владетелей торгоут Хо-Урлюк с шестью сыновьями и народом, насчитывающим около 50 тыс. кибиток, поссорившись с хошоутскими и зенгорскими калмыками, откочевал и поселился на землях ногайцев между Волгой и рекой Урал (Яик)» (Кундакбаева, 2019: 12). Так, в исследованиях казахстанских авторов относительно роли казахско-ногайских отношений отмечается: «Распад Большой Ногайской орды затянулся на два-три века, главными причинами были внутренние усобицы, вражда с Крымским, Астраханским, Казанским ханствами, катастрофические отношения с калмыками, появившимися в XVI веке в Поволжье, постоянное усиление Московской Руси» (Турсынов и др., 2017: 109).

Ряд исследователей, включая М.М. Батмаева и М. Ходарковского, считают, что этот процесс не сопровождался стабильной административной интеграцией региона, а выражался преимущественно в форме временных кочевий и военно-политического доминирования (Батмаев, 2022; Ходарковский, 2022).

При этом именно в XVIII веке, в период формирования новых административно-политических границ, калмыцкие улусы становятся элементом новой государственной системы, отражая процесс интеграции степных пространств в структуру Российской империи. В то же время значительная часть калмыцких групп сохраняла автономное положение и продолжала выступать как самостоятельный субъект политических отношений с окружающими силами – казахами, ногайцами, башкирами и самим Российским государством (Посольские книги..., 2024: 169-171).

Согласно оценкам авторов разных эпох, мы наблюдаем, что к началу XVIII века отношения между калмыками и казахскими родами Младшего жуза характеризовались нарастающей конфликтностью. В исторических источниках фиксируются регулярные вооружённые столкновения, угоны скота, взаимный захват населения и вовлечённость обеих сторон в более широкие военно-политические процессы, включая борьбу с Джунгарским ханством и участие в династических союзах. Конфликты стали частью общей борьбы за ресурсы и стратегические коммуникации, которые в это время начали играть важную роль в планах Российской империи по укреплению своих юго-восточных границ. В ряде трудов прослеживается глубокая степень вражды и конкуренции за ключевые пастбищные пространства (Новолетов, 1884: 6; Дорджиева, 2002; Максимов, 2002). На основе изучения ряда официальных документов, таких как административные донесения и картографические материалы, исследователи приходят к выводу, что в этот период наблюдается систематическое ограничение традиционного кочевого пространства калмыков. Это включало введение налоговой нагрузки, ограничения на передвижение, регламентацию пастбищных маршрутов, а также строительство укрепленных казачьих линий, что постепенно подрывало основы автономного существования Калмыцкого ханства и привело к началу процесса бюрократизации Степи и формирования новых управленческих механизмов на окраинах империи.

Ключевым событием, повлиявшим на этнополитическую карту региона, стал уход значительной части калмыцких улусов в 1771 году. В историографии этот процесс получил название «исход торгоутов» или «последнее великое кочевье» и интерпретируется как ответ на совокупность внутренних и внешних вызовов, включая экологический кризис вследствие перегрузки пастбищ, усиление давления со стороны казачества и ограничение политического суверенитета. Как пишет В.И. Колесник, «решение о переселении принималось в условиях полной утраты стратегической автономии и стремления к восстановлению прежнего статуса в районе Джунгарии» (Колесник, 2003).

Численность участников перехода оценивается в пределах от 150 до 180 тыс. человек. Движение осуществлялось через прикаспийские степи, Мангыстау, плато Устюрт и далее по территории Южного Казахстана. В разделе работы А.З. Курлапова «Смута на Яике в 1772 г.» говорится, что «в конце декабря 1771 г. в Яицкий городок прибыл генерал М.М. Траубенберг для разбирательства, почему казаки отказались преследовать уходящих в “Зюнгарию” калмыков» (Курлапов, 2013: 73). При этом, по свидетельствам современников и последующих источников, значительная часть переселенцев погибла в пути вследствие боевых столкновений с казахскими отрядами, нехватки воды, болезней и голода.

Результатом ухода калмыков стало освобождение значительных пастбищных площадей в Прикаспии и на юге Приуралья. Данные территории в последующие годы стали зоной расширения казахских кочевий, прежде всего родов Байулы и Жетыру, а также территорией расселения ногайских и частично башкирских групп. Кроме того, в рамках расширения казачьей линии и продвижения российского освоения края освобожденные участки использовались для размещения гарнизонов, пограничных постов и станиц.

Калмыки, не принявшие участия в исходе или по различным причинам оставшиеся на месте, подверглись административному переселению. Эти группы были распределены по левобережью Волги и южному Приуралью, где они впоследствии вошли в состав административных единиц Российской империи (Торопицын, 2016: 24; Кундакбаева, 2019). Таким образом, уход калмыков завершил этап их активного присутствия в степях, прилегающих к территории современного Западного Казахстана, и стал переломной точкой в истории кочевой ойратской культуры на западных рубежах Евразии.

Современная же историография рассматривает данный исход как часть общего процесса трансформации кочевых обществ в условиях формирования имперских границ. Он иллюстрирует механизм вытеснения политически автономных кочевников в условиях нарастающего административного давления, изменения экологических условий и вовлечения степных регионов в орбиту централизованных государств. Уход калмыков с территории Западного Казахстана представляет собой характерный пример завершения одного из этапов этнополитической истории региона, в котором взаимодействовали интересы имперских структур, кочевых союзов и локальных сообществ.

4. Результаты

Спаянное в многолетнем противостоянии с опасным противником из числа Шейбанидов, Казахское ханство надолго стало важным геополитическим актором. Неравномерная торговля, которую вели жители Степи с оседлым населением, заставляла казахских ханов осуществлять весьма жёсткую, но последовательную политику в отношении южных соседей. Так, ещё Тауекель хан в 1590-х гг. стал организатором серии больших походов, целью которых было не только навязать свои условия, но и стать политическим доминантом региона. Взятие Ташкента и Самарканда стало поистине триумфом для возрождающегося Казахского государства. Ташкент был не только подчинён, но и надолго стал столицей Казахского ханства. Согласно сообщениям источников, именно Тауекель стал первым правителем не только собственно казахов, но и также кыргызов и калмыков. Как представляется, следует под подчинением понимать только некоторые группы населения из числа новых подданных. Так, другая группа калмыков сохраняет свою независимость, а полное подчинение кыргызов было просто невозможно. Скорее этот титул – хан казахов, кыргызов и калмыков – отражал верховное положение статуса и авторитета казахского хана на территории Семиречья.

Миграционные процессы калмыков наглядно видны через политико-географические сведения из карт. Так, уже на карте Энтони Дженкинсона калмыки показаны как народ, проживающий на севере от казахов, были локализованы где-то в районе за Алтаем, живущие в шатрах, а основой их хозяйства показано скотоводство, как и у казахов и ногаев. Локализация их за горным хребтом, приблизительно на северо-восток от Казахской Орды, прямо указывает, что миграция калмыков ко времени создания карты, в 1562 году, либо ещё не началась, либо находилась на зарождающейся стадии (Jenkinson, 1562). Интересным представляется то, что казахи и калмыки отмечены и украшены изображением забивания скота. Однако в плане верхней одежды казахи изображены очень похожими одеянием на жителей Самарканда, а калмыцкая верхняя одежда во многом схожа с одеяниями шаманов, что говорит о господстве среди калмыков верований, непохожих на верования их соседей. На самом правом верхнем углу можно обнаружить всадника, похожего по своей экипировке на казаха (указан схожий головной убор в виде тюрбана, а также сабля имеет ту же конфигурацию, как и у казахов), однако непонятно, что имел в виду автор карты (Рисунок 1) и относился ли этот всадник к собственно калмыкам.

Уже на следующей карте, представленной картой «*Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio*» Энтони Дженкинсона из атласа «*Theatre of the World*» (Abraham Ortelius, 1570 год), казахи по отношению к Каспийскому морю находятся на северо-восток от него, а калмыки размещены намного севернее, чуть южнее Крайнего Севера (Абусейтова и др., 2024: 96). Эта карта интересна тем, что калмыки уже не имеют своих миниатюр, а просто указаны как одна из этнических групп. Их почти прямое расположение к северу от казахов, в отличие от прежней карты Энтони Дженкинсона, может указывать на постепенное продвижение калмыков на запад. Такая тенденция сохранит свою динамику и далее. На карте голландского мореплавателя Виллема Янсзона, составленной в 1630 году (Рисунок 2), калмыки расположены намного к северу, причём одна из групп расположена на берегу Северного Ледовитого океана, что, конечно же, отражает слабое знание европейцев о протяжённости и масштабе внутренних областей Евразии (Blaeuw, 1630).

Но уже на карте от 1635 года «*Tartaria sive Magni Chamii Imperium*» калмыки однозначно фигурируют на территории междуречья Урала и Волги, по соседству с Ногайской Ордой (Рисунок 3). Скорее всего, написание Colmak, встречающееся на карте 1630 года, относилось либо к совершенно другой этнической группе, либо любой малоизвестный этнос относился к калмыкам в глазах европейцев той эпохи.

Рис. 1. Карта «Nova Absolutaque Russiae Moscoviae et Tartariae descriptio» Anthony Jenkinson. 1562 год. Библиотека Университета Вроцлава (Республика Польша)

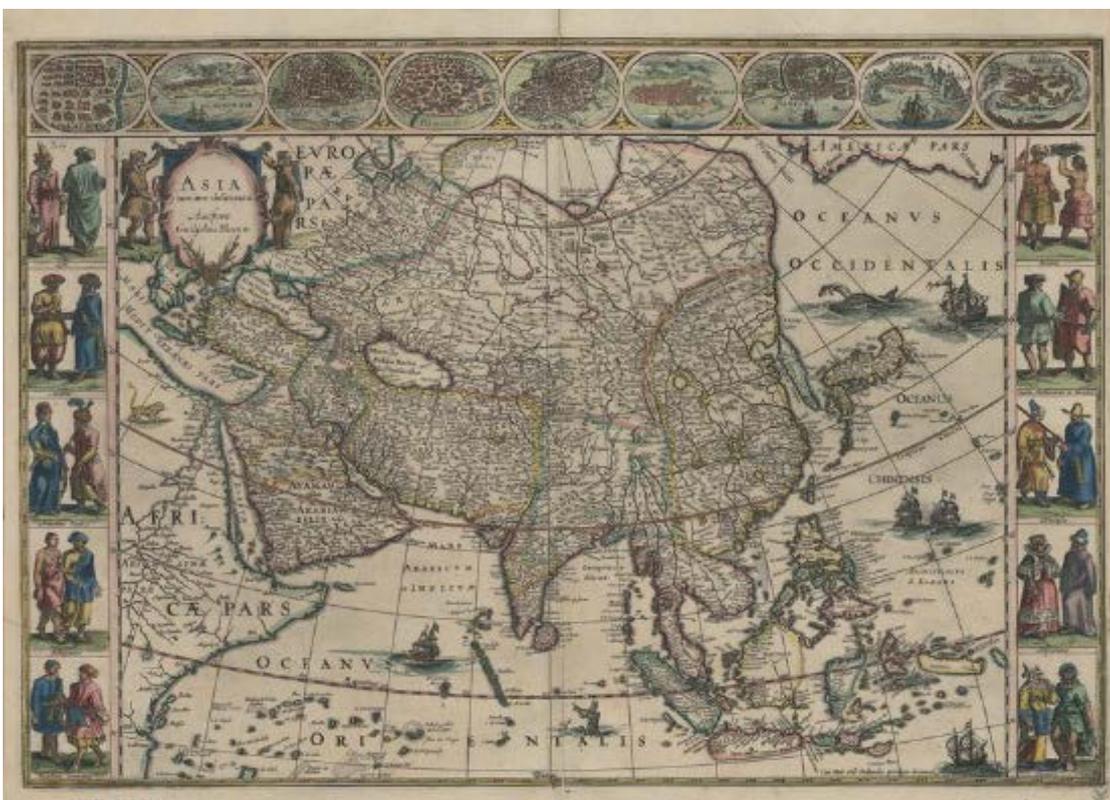

Рис. 2. Карта «Asia noviter delineata». Willem Janszoon Blaeu. 1630 год. Национальная библиотека Франции

Рис. 3. Карта «Tartaria sive Magni Chami Imperium» из атласа «Theatrum Orbis Terrarum». 1635 год

Интересно, что ещё до сообщений русских воевод калмыки на территории Казахстана встречаются и ранее. Так, на карте «*Europa*» Gerard Mercator и Rumold Mercator 1595 года (Рисунок 4) уже достаточно чётко локализованы калмыки (Калмыцкие татары) также на территории Волго-Уральского междуречья, причём ногаи на этой карте фиксируются значительно западнее, чем ранее, в междуречье Урала и Волги (Абусейтова, 2024: 105).

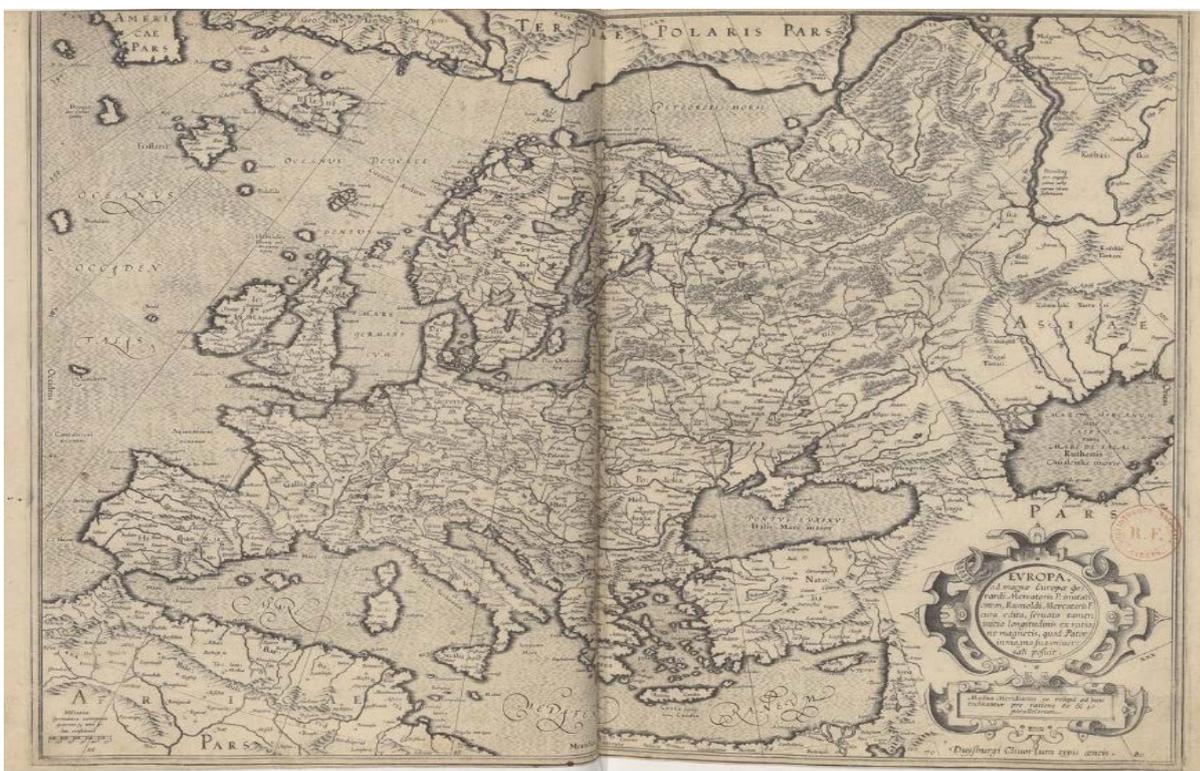

Рис. 4. «Europa» из «Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura». Gerard Mercator and Rumold Mercator. 1595 год

Сами калмыки фиксируются лишь в верхнем течении Урала, что соответствует исторической реальности того периода. Вероятнее всего, какая-то из групп калмыков проникает раньше других далеко на запад, возможно, будучи связанными вассальной присягой одному из местных властителей. Движение же главных сил началось гораздо позже. При этом сами казахи, по-прежнему, судя по картам, занимают центральные и южные области Казахской степи. Такая локализация, по-видимому, связана с обострением отношений Казахского ханства с южными соседями. Смена династий, когда Аштарханиды сменили господство Шейбанидов, привела к сосредоточению казахских сил именно на юге. Такая концентрация сил привела не только к успешным боевым действиям Тауекель хана на юге, благодаря которым Ташкент на 200 лет стал одной из столиц Казахского ханства, но и, как было выше упомянуто, к подчинению власти казахского правителя ряда соседних объединений. Так, согласно источникам, казахский хан именовал себя ханом казахов, кыргызов и калмыков. С этим связано интересное обстоятельство, во многом проливающее свет на переломный исторический период – время пребывания калмыков на территории Казахстана. После крупных успехов Тауекель хану на время подчинилась какая-то группа калмыков. Причём, если в 1594 году посол Кулмагомет заявлял Ораз Мухаммеду, казахскому султану на службе русскому царю, что «... ныне дядя твой Тевкель (Тауекель) царевич царь учинился на Казатцкой Орде, а брата своего Шахмагомета царевича посадил на калмаках» (История..., 2005: 191), необходимо учитывать, что речь шла не о событиях сравнительно недавнего прошлого, беря во внимание, что Тауекель стал ханом уже в 1582 году (по другим сведениям, в 1583 году). Более того, русский царь, отправляя своё посольство к казахскому хану Тауекелю, предлагает ему установить отношения и называет его ханом Казахской и Калмыцкой орд (История..., 2005: 202). Учитывая, что согласно восточным источникам, Тауекель имел право называть себя ханом и кыргызов, почему тогда русский царь игнорирует кыргызский элемент в титулатуре казахского хана в своём обращении? Скорее всего, это привычное наименование для русского царя иностранного правителя по включению в его состав других государственных объединений. На это отчасти указывает и то, что сам царь, перечисляя свою титулатуру, указывает на себя: «всёя Руси самодержавца и многих государств государя». Маловероятно, что для русского царя существовал другой источник информации по владениям казахского хана, помимо указанного выше посла, Кулмагомета. Хотя кыргызы и входили в список титулатуры казахского хана, однако не были указаны именно термином «Орда», который обозначал и государственный институт, и государственное объединение, и, наконец, то само государство. Последнее упоминание о Тауекель хане как правителе двух Орд относится к 1600 году (История..., 2005: 214). Тем не менее на карте «Tartaria» Йодокуса Хондиуса 1606 года калмыки довольно прочно занимают верховья Урала и далее на восток от Мугоджар (Hondius, 1606).

Уже в 1607 году калмыцкие тайши Иченею, Далай багатуру, Хо-Урлюку и Курсугану вместе со своим народом, численностью до 120 тыс., присягнули русскому царю, получив взамен право на кочевание вверх по реке Иртыш, а также внешнюю защиту против ногаев и Казахской Орды. Вскоре война между калмыками и Казахской Ордой была в разгаре, и в 1609 году, оставив свои аулы на попечении гарнизона Тарского городка, калмыки обрушились на казахские аулы. Неурядицы, которые были в самом разгаре в Казахской Орде, привели к ряду поражений казахов, однако отказ некоторых калмыцких тайшей от шертования московскому царю омрачил складывающийся союз и, более того, вынудил русского царя прибегнуть к угрозе выдворения калмыцких тайшей со своих земель силой. Именно это обстоятельство вынуждает калмыков продвигаться на запад, что приводит к усилению противостояния с ногаями. Уже в том же 1609 году знатный ногайский бек Кара Келмамет в ответ на призыв идти исполнять воинскую службу русскому царю, заявил, что не может, так как противостоит калмыкам. В 1612 году состоялся один из первых набегов калмыков на ногайские кочевья, правда, без серьёзного урона: «а поизобилили немного» (История..., 2005: 255). Здесь же отмечается, что калмыки были весьма ослаблены, поскольку обильный снегопад привёл к падежу скота. Это первое появление калмыков в Волжско-Уральском междуречье совпало с междоусобицами в Ногайской Орде, где главный бий Иштерек постепенно теряет свой авторитет, вследствие чего в ногайской среде разгорелась гражданская война. Казахи в этот же период, по свидетельству очевидцев, перекачывают на север, поскольку: «а живут они ныне зимнею порою под Сибирью» (История..., 2005: 257). Кроме того, вследствие откочевки ногаев на крымскую сторону, зауральские степи опустели, помимо самого города Сарайчика (История..., 2005: 259). Вообще можно отметить, что подчинение калмыков в 1608 году власти русского царя было весьма условным. По мере укрепления их положения, они всё меньше хотели подчиняться требованиям наместников Московского царства в сибирских городах. Кроме того, окружённые новыми соседями, которые также являлись во многом условно подданными Москвы, калмыки просто не могли не вступить с ними в конфронтацию. Показателен здесь пример, когда главный бек Ногайской Орды Иштерек в ответ на угрозы Москвы называет своими союзниками большую коалицию мусульманских союзников, хотя и не отвергает свою зависимость от русского правительства. Дело в том, что в этот период в самом Московском царстве начинается период Смуты, что резко ослабило возможности правительства в деле контроля за далёкими окраинами своего государства.

Помимо западного продвижения, калмыки, по-видимому, установили протекторат над Старшим жузом и Кыргызской Ордой. Есим хан, будучи изгнан узурпатором Турсын-Мухаммед ханом, опирался на поддержку калмыков. Однако уже в 1620 году Есим хан наносит поражение калмыкам (История..., 2005: 276). Общее ослабление калмыцкого объединения, вероятнее всего, связано с борьбой между влиятельными тайшами и междоусобицами между ними. Временное укрепление Казахского ханства в правление Есим хана во многом связано с углубляющимся распадом Ногайской Орды, которая окончательно была дезорганизована и приходила в упадок. Некоторая часть ногайцев, особенно те, которые традиционно кочевали в зауральских степях, уже тогда, по-видимому, признаёт власть казахского хана, что значительно усиливает военные возможности Казахской Орды. На основании письменных источников можно предположить и о складывании союза между Алтан ханом, Казахской Ордой и ногаями. Этот союз заставил калмыков сконцентрироваться в кочевьях на берегах реки Обь. Интересно, что на карте «Новая карта Тартарии. A Neue Mape of Tar» Джона Спиды от 1627 года (Рисунок 5) одна группа калмыков сосредоточена в верховьях Урала, а другая – в районе Мугоджарских гор. Кроме того, далее на восток от Мугоджар указана группа каракитай (вероятнее всего, одна из групп калмыков) (Speed, 1627).

Рис. 5. Карта «Asia» из книги «A Prospect of the most famous parts of the world» John Speed. 1627 год. Королевская библиотека Швеции

В целом, мы можем наблюдать довольно широкое расселение калмыков на западе разными группами, независимыми друг от друга, что говорит о том, что верховной власти в калмыцком обществе тогда не существовало. Сама численность воинских сил отдельных калмыцких тайшей была, по-видимому, ограниченной. Чаще всего в источниках упоминается от 1 до 4 тыс. воинов (История..., 2005: 278), и только при объединении нескольких тайшей калмыки были способны проводить крупные операции, что также повлияло на центростремительные процессы в калмыцком обществе.

В 1630 году на карте Виллема Янсоона фиксируются небольшие изменения в расселении народов Центральной Азии (Blaeuw, 1630). В частности, калмыки по-прежнему фиксируются на территории Волжско-Уральского междуречья, но казахи на этой карте отмечаются в районе Мугоджар, на месте бывшего расселения другой группы калмыков, что связано, по-видимому, с её вытеснением далее на запад.

Ногайцы помещены автором карты далее на запад, на правобережье реки Волга. В 1622 году калмыки разгромили ногайцев в битве недалеко от Сарайчика и далее углубились в сторону рек Сагиз и Кайнар. Это одно из первых упоминаний и письменных фиксаций калмыков на восток от реки Урал, хотя есть сведения о набегах калмыков на земли Ургенча в 1619 и 1620 году. Поход был весьма успешен и, как всегда, совпал с местными междоусобицами. В 1625 году калмыки решаются на зимовку на реке Эмба, что говорит о полной децентрализации в Ногайской Орде, которая раньше контролировала весь этот регион. Казахи же, увязшие в междоусобице между Есим ханом и Турсун ханом, не смогли этому препятствовать. Турсун хан, будучи бывшим вассалом бухарского хана Имамкули, стал претендовать на полную независимость и от своего имени пытался договориться с калмыками о беспрепятственной торговле с сибирскими городами. Начавшаяся междоусобица между калмыцкими тайшами помешала этому, так что связи между ташкентским двором и калмыцкими тайшами были весьма ограничены, хотя расстояние между ними было весьма недалёкое – в 1626 году калмыки фиксируются уже в Барсуках песках (*История..., 2005: 295*). Это продвижение во многом связано с тем, что остатки Ногайской Орды по частям продолжают подчиняться калмыкам, так именно в этом году им покоряется мурза Шайнек со своим улусом. Исходя из этого, следует понимать, что с приходом калмыков местные племена включались в структуру нового порядка.

Сами калмыцкие тайши поддерживали общие центральноазиатские формы управления, и всё было облечено в привычные формы подчинения. Шайнек мурза, по-видимому, хотя и был подчинён калмыкам, вместе с тем продолжал сохранять свободу во внешних связях. В этой связи интересен тот факт, что в источниках указывается и численность воинов у Шайнек мурзы, а именно 900 человек (*История..., 2005: 301*). При этом Имендияр, правитель Ургенча, был согласен в случае подчинения Шайнек мурзы выделить ему для управления один из своих пяти городов. Этот пример наглядно показывает слабость как ослабленных междоусобицами среднеазиатских государств, так и слабость собственных военных сил ногайцев. Стоит отметить, что и правитель Большой Ногайской Орды в своём обращении к русскому царю указывает численность своих подданных от 30 до 40 тыс. людей (*История..., 2005: 296*). В том же 1627 году Есим хан разгромил Турсун Мухаммед хана и калмыцких тайшей, причём поводом к убийству своего соперника источники называют именно отказ Турсун Мухаммеда поддержать Есим хана в бою против калмыков. Можно предположить, что эта победа над своими извечными врагами позволила временно заставить калмыков откочевать из Центрального Казахстана, поскольку источники фиксируют, что «калмыцкие де люди под Сибирь на реке Иртыш, от Юргенчи езду с четыре месяца» (*История..., 2005: 304*). Тем не менее, на Эмбе продолжали кочевать калмыки: в устье, вверх по Эмбе и к востоку от Эмбы в урочище Кашкан, всего численностью в три тыс. человек. Столь небольшая численность при руководстве трёх тайшей, как правило, позволяет их характеризовать как отдельные группы, независимые друг от друга. Один из этих тайшей, Мерген Темен, в 1626 году пошёл в поход против Казахской Орды и был разгромлен Есим ханом, причём дважды. Позже, в 1627 году калмыки под подчинением Мерген Темена были разгромлены войсками казахского хана Есим хана, усиленными отрядами Шайнек мурзы. После этого калмыки откочевали на реку Сырт, в верховья Урала. Этот регион долгое время находился под их полным контролем. Попытки вернуть его в 1628 году, когда калмыки силами до 40 тыс. напали на Есим хана, были неудачны, поскольку калмыки вновь потерпели поражение, а 2 тыс. из них отошли к верховьям Эмбы. Процесс перехода алтыульцев под контроль казахского хана был не одновременным актом, а сопровождался постоянной сменой мирных отношений и военных действий. Этот союз впоследствии окончательно закрепил часть ногайцев в составе казахского народа. Несмотря на уговоры калмыцких послов, мурза Шайнек во многом склонялся к верности Есим хану, хотя, по сообщениям источников, среди самих алтыульцев сохранялись разногласия: «Половина де мурз и улусных их людей хотят в Казачью Орду, в Туркестан, а половина мурз и улусных людей хотели идти в Юргенч (Ургенч)» (*История..., 2005: 311*). Общие неудачи калмыков на казахском фронте вынудили их к дальнейшему нажиму на ногаев, которые не выдерживали натиска такого грозного противника и были вынуждены кочевать уже вблизи от Астрахани, чей гарнизон имел значение как гарант безопасности. Дальнейшему продвижению калмыков, впрочем, помешал не астраханский гарнизон, а междоусобные распри между тайшами. Проигравшие в количестве 10 тыс. откочевали было на юг, в Туркестан, но «туркестанский царь» их разгромил, заставив откочевать опять-таки в верховья Урала, недалеко от Уфы. Стоит отметить, что эта группа приуральских калмыков постепенно набирала силу. Калмыки этой группы с 40 тыс. напали на казахов, позже с 30 тыс. – на ногаев. Можно предположить, что лишь постоянные распри лишали их возможности окончательного вытеснения местных народов из привычных мест обитания. Подчинив себе часть алтыульцев, калмыки выставляли значительные силы для дальнейшего оттеснения ногаев к Уралу и далее к западу от него. В марте 1629 года калмыки в количестве 5 тыс. кочевали уже на реке Уил и вблизи от моря, что говорит о практическом вытеснении ногаев с восточной стороны Урала, хотя отдельные их роды продолжали кочевать в зауральских степях. В том же 1629 году встречается упоминание, что местность Кондаки, в 70 верстах от Астрахани, калмыки считали издавна своей, что, скорее всего, они действительно кочевали здесь уже с 1595 года. Постоянные нападения калмыков на ногайские кочевья в междуречье Волги и Урала объясняются, по-видимому, довольно лёгким

переходом через Урал ввиду его обмеления, и многочисленные броды сделали водную преграду бесполезной для ногаев. Полная децентрализация в Ногайской Орде не позволяла организовать эффективную защиту, что вынуждало ногаев всё чаще прибегать к защите русского гарнизона Астрахани. К его защите прибегали и сами калмыки, вернее, та группа, которая кочевала на Эмбе, опасаясь нападения 10-тысячного войска казахов. Помимо казахов, против калмыков выступали и ургенчские войска, которые время от времени преследовали совершивших набеги калмыков и алтыульцев. На карте Йоана Виллемсона 1635 года (Рисунок 5) можно проследить, что казахи довольно прочно закрепились в центральных районах Казахстана, вытеснив оттуда кочевья калмыков (Blaeu, 1635).

К этому времени калмыки находились в весьма сложной ситуации, когда обнаружили себя со всех сторон окружёнными врагами. Наиболее грозными противниками оказались так называемые чёрные калмыки, то есть джунгары. Эта вражда между родственными народами, начало которой скрыто ещё в незапамятные времена, во многом снижала эффективность их успешных набегов и побед. Можно предположить, что чёрные калмыки, то есть джунгары, были долгое время известны европейским картографам под именованием каракитаи, по крайней мере, одна из групп кочевников неоднократно отмечалась на разных исторических картах.

Победа над ногаями в 1630-е гг. привела, с одной стороны, к вытеснению ногаев из степей Западного Казахстана, а с другой – ослабила давление калмыцких тайшей на казахов, хотя их кочевья неоднократно фиксировались далеко на юге, вплоть до Туркестана. Более того, до нас дошло и письмо бухарского правителя московскому царю от 1633 года с предложением совместно напасть на калмыков под предлогом того, что они мешали торговле в районе Эмбы (История..., 2005: 330). Препятствование торговле не было единственной причиной для обострения казахско-калмыцких отношений. Начавшаяся в 1635 году новая война была на первоначальном этапе удачна для казахов, однако во время второй битвы казахи были разгромлены, а Джангир, наследник Есим хана, в результате был, по-видимому, пленён. Однако уже в 1640 году посол московского царя при дворе джунгарского контайши отмечает присутствие послов Казахской Орды от Джангир «царевича», то есть наследника казахского хана. Позже, в 1644 году, казахи разбили войска контайши Батура хунтайджи, который, потеряв около 10 тыс. в бою малыми силами в знаменитой Орбулакской битве, несмотря на явный перевес в силах (600 воинов Джангира против 50 тыс. воинов), вынужден был уйти в свою ставку. Саму численность казахского войска при мобилизации источник оценивает в 15 тыс. воинов, а войска союзника Джангир хана, Жалантос батыра, – в 20 тыс. Эти количественные данные хорошо иллюстрируют резкое увеличение численности джунгар и ослабление мобилизационных возможностей казахского правителя. Если ранее Есим хан, командовавший войском из более чем 10 тыс. воинов, довольно успешно противостоял калмыкам, то Джангир хан даже при поддержке союзников более не располагал каким-либо перевесом в силах.

Карта «*Asia recens summa cura delineanta*» Hondius Henricus от 1644 года (Рисунок 6) в принципе повторяет данные с карты от 1630 года, где Ногайская Орда также находится в междуречье Волги и Урала, а калмыки расположены к востоку от реки Урал (Абусейтова, 2024: 117). Также карта отражает устойчивое закрепление калмыков в Нижнем Поволжье и постепенное вытеснение ногайцев к западу. Эти визуальные свидетельства демонстрируют переход калмыков от кочевых миграций к относительной территориальной стабилизации, что, в свою очередь, способствовало формированию устойчивых политических институтов и внешнеполитических отношений с Россией, Бухарой и Джунгарией (Bulag and Fuerwa, 2022: 79-83).

Казахи (казахские татары) расположены восточнее относительно калмыков, по-видимому, за Мугоджарами. Вторая горная гряда, окружающая казахов, скорее всего, отражает знания европейцев того времени от гор Алтая. Сразу за ними отображены каракитаи, предположительно, как указывалось выше, одна из групп калмыков или джунгар. Отрывочные сведения за 1654 год дают представление о заселении территории большей части северного Казахстана и бассейна реки Иртыш калмыцкими и мунгальскими (монгольскими) улусами. Чуть позже, на карте 1664 года «*L'Asie*» (Рисунок 7) ногайцы по-прежнему локализуются на западе, возле реки Волги, но гораздо выше, в пределах Южного Урала (Duval, 1664). Калмыки в то же время изображены восточнее реки Урал, расселившись вплоть до пределов узбеков. Казахи же, в свою очередь, локализованы севернее Туркестанского региона. Эта ситуация фиксирует очередное ослабление Казахского ханства, в первую очередь благодаря усилению Джунгарского государства. Этап длительных и разорительных войн с Джунгарией был значительно позже, но уже тогда Джунгария представляла собой основную угрозу самому существованию Казахской Орды. Только консолидация казахов под правлением хана Тауке смогла предотвратить эту угрозу, правда, ненадолго. Составитель карты 1684 года «*Le Grand Continent*» даёт представление об окончательном захвате ногайских земель калмыками (Duval, 1684). Каракитаи по-прежнему локализуются на территории Южной Сибири и северных землях современного Казахстана. Сами казахи на карте не отмечены, однако общее название региона Туркестан присутствует. Как известно из источников того времени, Туркестан являлся ставкой казахского хана Тауке (История..., 2005: 381). В этот период, в 1697 году, казахи, по сведениям

источников, во многом были сосредоточены на юге, вблизи своих городов (История..., 2005: 381). Семиречье, как следует из этого источника, уже было захвачено калмыками (джунгарами).

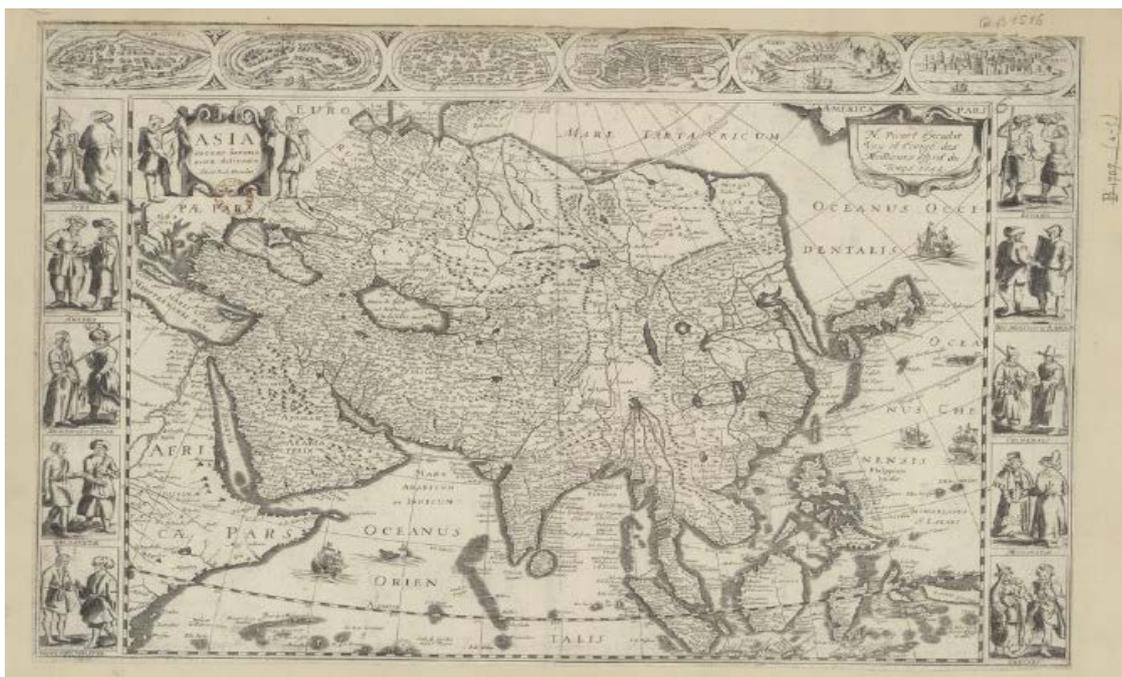

Рис. 6. Карта «Asia recens summa cura delineate» Henricus Hondius. 1644 год. Национальная библиотека Франции

Рис. 7. Карта «L'Asie». P. Duval. 1664 год. Национальная библиотека Франции

Исходя из процессов, ранее описанных, можно прийти к выводу, что уже ко второй половине XVII века процессы этнического и политического формирования калмыков достигли своего

логического завершения. Миграция явилась результатом сложного комплекса факторов: давления джунгарских ойратов, нестабильности в Ногайской Орде и стремления калмыцких тайшей к контролю над торговыми путями в низовьях Волги и Прикаспия (Krueger, 1974: 204-207; Kitinov, 2024: 19). Более того, перемещение ойратских кочевых групп сопровождалось не только изменением их географического положения, но и глубокими социальными трансформациями. А система ханской власти, основанная на традиционной родовой организации, совмещавшая принципы кочевого управления и элементы вассальной зависимости от Москвы, закрепила модель «двойной лояльности», получив тем самым формальное признание верховной власти царя при сохранении внутренней автономии (Omakaeva, 1999: 116-118). Именно этот компромисс стал основой будущего противоречия между имперским и ханским началами, определившего судьбу Калмыцкого ханства в XVIII веке. После смерти Аюки-хана в 1724 году, по мнению многих специалистов, политическая структура Калмыцкого ханства вовсе утратила свою устойчивость. Уже в 1730-е годы Петербург утвердил институт калмыцкого вице-губернатора, подчинённого Астраханской губернской канцелярии, что фактически ликвидировало политическую самостоятельность ханов. Внутренняя борьба за власть между потомками Аюки – Дондук-Омбо, Церен-Дондок и Убаши – привела к разрушению традиционных механизмов управления. Петербург использовал эти противоречия, поддерживая одних претендентов против других. К 1750-м годам ханская власть окончательно превратилась в декоративный институт при губернаторе Астрахани (Terbish, 2022: 36). Более того, нельзя упускать тот факт, что в это время меняется и сама структура калмыцкого общества, где под влиянием буддизма, активно распространяемого тибетскими ламами, усиливается роль духовенства, формируется особая идеология ханской власти, основанная на сакральной легитимации всех правителей (Omakaeva, 1999: 120-122). Далее мы наблюдаем одновременное сокращение кочевых территорий. Например, на карте французского картографа Жан-Батиста Нолена-младшего (1740 год) можно увидеть постепенное стеснение калмыцких кочевий между Волгой и Яиком (Рисунок 8). По всей вероятности, это было следствием продвижения русских укрепленных линий (Nolin, 1740). Кочевая экономика, ранее обеспечивавшая мобильность и военную силу, приходила в упадок, в том числе и под влиянием ясачных сборов и административного контроля (Krueger, 1974: 214).

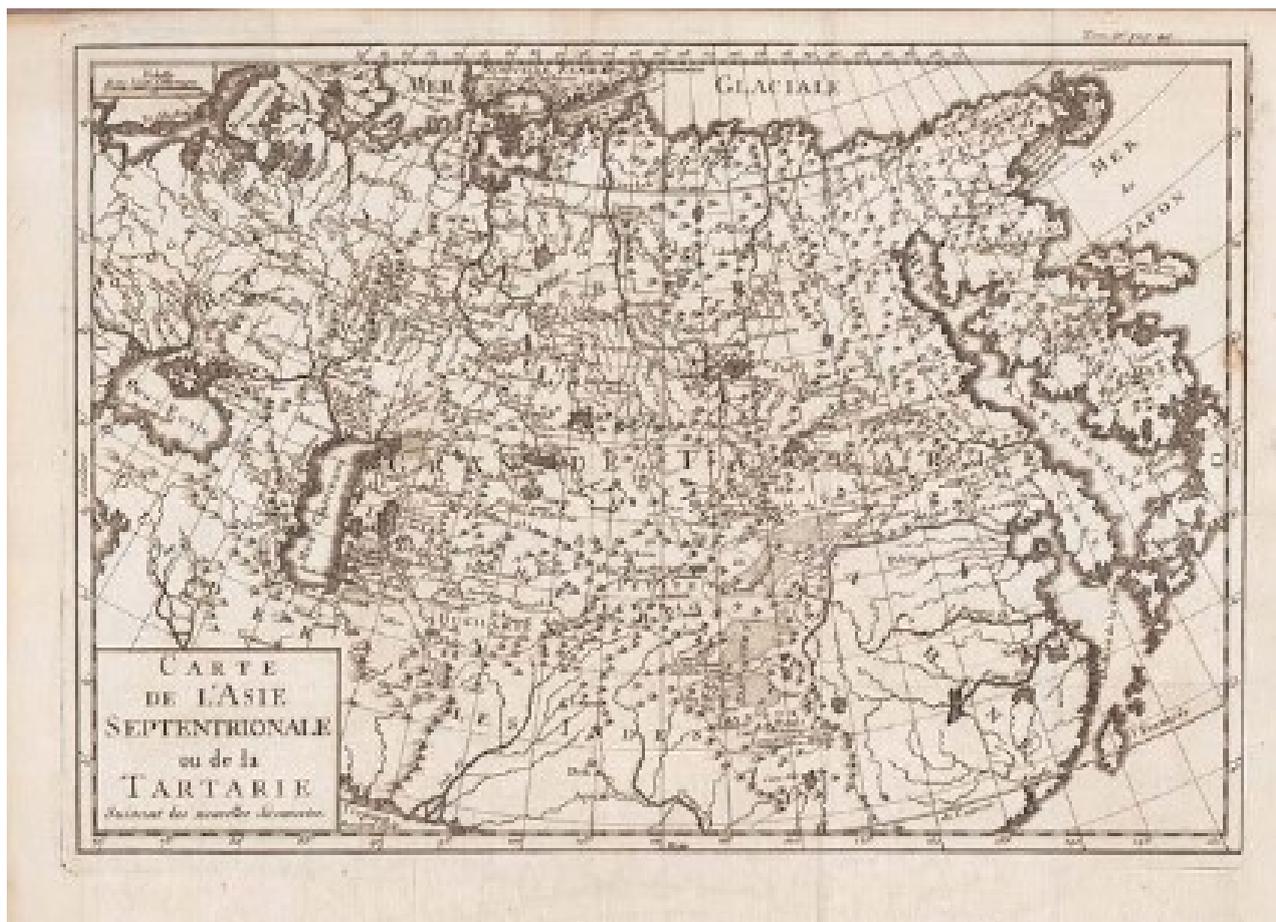

Рис. 8. Карта «Carte de L'Asie Septentrionale ou de la Tartarie». 1740 год

Екатерина II в 1771 году упразднила ханскую должность, передав управление «калмыцким народом» Коллегии иностранных дел (Ochir-Garyaeva, 2019: 907). Нарастающее недовольство

вылилось в идею массового исхода – возвращения к «земле предков» за Илийские горы. Как показал Б. Китинов, в основе замысла Убаши-хана лежало не только стремление к политической независимости, но и религиозная мотивация – желание восстановить связь с центром буддизма и получить покровительство Далай-ламы (Kitinov, 2024: 30-33). Вскоре калмыцкая элита, столкнувшись с усилением административного контроля Петербурга и внутренними династическими конфликтами, оказалась вовлечена в события, названные в истории «Великий исход торгоутов» 1771 года. По оценке историков, около 170 000 человек снялись с кочевий между Волгой и Яиком и направились через степи Казахстана к озеру Эби-Нур (Bulag, Fuerwa, 2022: 91-94). Из них, согласно сведениям китайских источников, только треть мигрирующих достигла территории Синьцзяна; кто-то погиб от холода и голода, а кто-то пострадал от нападений казахских и башкирских отрядов. Император Цяньлун принял выживших торгоутов, поселив их в Илийской долине и у Эби-Нура, где было создано особое управление – Торгоуцкий аймак (Kitinov, 2024: 38). Торгоутский исход продемонстрировал все последующие изменения внутренней структуры калмыцкого народа и общества, особенно той части населения, что осталась на Волге, – в основном дербеты и хошеуты, которые в последующем составят ядро современного калмыцкого народа. Явление «обратной миграции» – так современные исследователи рассматривают исход 1771 года, который стал уникальным, продемонстрировав возвращение кочевого народа из так называемой западной периферии Евразии во внутренние регионы Центральной Азии (Terbish, 2022: 53).

Для Российской империи Торгоутский исход имел двойные последствия: с одной стороны, исчезла пограничная сила, служившая буфером между русскими и кочевыми племенами, а с другой – стороны освободились земли Нижнего Поволжья для колонизации. Это отчётливо видно на карте Генерального штаба 1792 года (Рисунок 9), где территория бывших калмыцких кочевий уже обозначена как «земли Уральской линии» (Omakaeva, 1999: 127).

Рис. 9. Карта «Российской империи» Генерального штаба 1792 года

Миграционные процессы калмыцкого народа XVIII века также способствовали глобальным изменениям в истории народов Центральной Азии. Именно в это время происходит формирование новых политических и территориальных структур, где решающее значение приобретают отношения между калмыками, казахами и Российской империей. Более того, последний исход торгоутов в 1771 году стал символом завершения калмыцкого присутствия в западноказахстанских степях и открыл путь к новой административной политике Российской империи.

5. Заключение

Калмыцкий народ на протяжении многих веков являлся соседним для казахов народом. Многолетние отношения включали в себя как противостояние, так и дружеские отношения. Изначально калмыки присутствовали на территории Казахстана только в военном плане, как

организаторы походов, когда Ойратское государство пыталось взять под контроль города Средней Азии. Иначе ситуация складывается позднее, когда внутренние процессы заставляют огромные массы кочевников мигрировать традиционным для кочевых народов путём – с востока на запад. Большие пространства для кочевания, выходы на центральноазиатские торговые магистрали, более мягкие и выгодные климатические условия обусловили направление миграции. Большим, а зачастую единственным препятствием для осуществления этих планов являлось Казахское государство. Однако гораздо позже исход торгового пути 1771 года ознаменовал конец эпохи автономного существования калмыков и начало нового этапа – административного оформления и политического подчинения степей. Исходя из этого, можно говорить о том, что калмыки сыграли роль посредников между Востоком и Западом, а их история стала неотъемлемой частью имперской динамики Евразии. Для истории Казахстана миграция калмыков имели неоднозначное значение. С одной стороны, они усилили политическую роль Казахского ханства в XVII веке, превратив его в ключевой фактор степного баланса. С другой – взаимодействие и противостояние с калмыками определили динамику этнополитических границ в Западном Казахстане и Прикаспии, подготовив почву для дальнейшего включения этих земель в сферу влияния Российской империи. Рассматривая в этом контексте историю калмыков в XVI–XVIII веках как связующее звено между эпохой постордынской раздробленности и эпохой имперской интеграции, можно отметить, как народы степей, вынужденные подчиняться законам великих держав, одновременно сохраняли собственные культурные и духовные традиции, создавая тем самым особый евразийский феномен – «историческую память миграции», соединяющую пространство от Алтая до Волги и Илийской долины.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему: «Страны Востока: геополитические вызовы и новые перспективы для Казахстана в историческом и современном измерениях» (регистрационный номер № BR 20281006).

Литература

- [Абусейтова и др., 2024](#) – *Абусейтова М.Х., Табынбаева З.С., Шаймарданова Н.Ж.* Картография Великой степи в эпоху географических открытий. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2023. С. 76-129.
- [Батмаев, 2022](#) – *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. 2-е изд., испр. и дополн. Элиста: КалМНЦ РАН, 2022. 440 с.
- [Дорджиева, 2002](#) – *Дорджиева Е.В.* Исход калмыков в Китай 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- [История..., 2005](#) – История Казахстана в русских источниках XVI – XX вв. В 10 томах. Т. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 721 с.
- [Карта..., 1792](#) – Карта Российской империи. [Wikimedia Commons](#). [Электронный ресурс]. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/97/Russian_Empire_1792_Map.jpg (дата обращения: 01.09.2025).
- [Колесник, 2003](#) – *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- [Кундакбаева, 2019](#) – *Кундакбаева Ж.* Организация имперского пространства в кочевой среде: казахи и волжские калмыки в орбите внимания России в XVIII веке: монография. Алматы: Кцзак университеті, 2019. 384 с.
- [Курлапов, 2013](#) – *Курлапов А.З.* Яицкие-уральские казаки. Повседневная жизнь и праздники. Т. 2. Историко-краеведческое издание, 2013. 672 с.
- [Максимов, 2022](#) – *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- [Новолетов, 1884](#) – *Новолетов М.* Калмыки: исторический очерк / Сост. М. Новолетов. СПб.: Изд. владельца Малодербет. улуса Нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. 79 с.
- [Посольские книги..., 2024](#) – Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1675–1677, 1683–1684 гг. Сб. док. / Сост., авт. предисл. В. Т. Тепкеев. Элиста: КалМНЦ РАН, 2024. 372 с.
- [Торопицын, 2016](#) – *Торопицын И.В.* Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. // *Журнал фронтирных исследований*. 2016. №2. С. 23-42.
- [Турсынов и др., 2017](#) – *Турсынов Е.Ж. и др.* Жырау: статус, культура, мировоззрение. Семей, 2017. 325 с.
- [Ходарковский, 2022](#) – *Ходарковский М.* И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771). Элиста: КалМНЦ РАН, 2022. 374 с.
- [Blaeu, 1635](#) – *Blaeu G. et J. Tartaria sive Magni Chami Imperium / Cartographe by G. et J. Blaeu.* Amsterdam, 1635. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b531429554/f1.itemr=Willem%20Blaeu%20tartatia.zoom#>

Blaeuw, 1630 – *Blaeu W.J. Asia noviter delineata / auctore Guiljelmo. Cartographe.* [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8592750q/f1.item.r=Asia%20noviter%20delineata%20Blaeu,%20Willem%20Jansz#>

Bulag, Fuerwa, 2022 – *Bulag U.E., Fuerwa D. Torghuts' Westward Migration to the Volga Region: Oirats, Empire, and the Politics of Return.* Cambridge: University of Cambridge Repository, 2022. 115 p.

Duval, 1664 – *Duval P. L'Asie. 1664.* [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8468663s.r=L%27Asie%20%20par%20P.%20Duval.%201664?rk=21459;2#>

Duval, 1684 – *Duval P. Le Grand Continent. Géographe Ordinaire du Roy. 1684.* [Электронный ресурс]. URL: <https://ryhiner.ub.unibe.ch/en/world/volume/429/image/8901>

Hondius, 1606 – *Hondius, J. Tartariia (Tartaria). Jodocus Hondius.* Amsterdam. 1606. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.christies.com/en/lot/lot-5780472>

Jenkinson, 1562 – *Jenkinson A. Nova Absolutaque Russiae Moscoviae et Tartariae description.* Publisher: Adams, Clement. Contributor: Reinoldus, Nicolaus. 1562. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliotekacyfrowa.pl/dlibra/publication/edition/40845>

Nolin, 1740 – *Nolin J.-B. Carte de L'Asie Septentrionale ou de la Tartarie Suivant les nouvelles decouvertes. 1740.* [Электронный ресурс]. URL: <https://antikvaria.ru/product/antikvarnaya-karta-severnoy-azii-ili-tartarii-1740-e-gody/>

Ochir-Garyaeva et al., 2019 – *Ochir-Garyaeva I.K., Komandzhaev E.A., Buluktaeva K.Yu. Legal Framework For Activities Of Kalmyk Governing Bodies In The 18th Century // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences.* 2019. Pp. 904-913. DOI: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.105>

Speed, 1627 – *Speed J.A. Newe Mape of Tar. 1627 г. Фонд КАРТЫ PUB0049925, 0005. Королевская библиотека Швеции.*

Kitinov, 2024 – *Kitinov B.U. Lamas and Oirat Migrations: Religion and the Exodus of the Main Part of Kalmyks in 1771. Religions and Society in Central Asia and the Himalaya. Vol. 71. Kathmandu: Digital Himalaya Publications. 2024. Pp. 19-40.*

Krueger, 1974 – *Krueger J.R. The Kalmyk-Oirat Migration and the Russian Empire. Central Asiatic Journal, Vol. 18, No. 3. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag. 1974. Pp. 204-220.*

Omaeva, 1999 – *Omaeva E.U. Kalmyks after the Year 1771: The Religious Factor and Ethnic Identity // Journal of Oriental Studies.* 1999. Vol. 8. No. 3. M.: RUDN University, 1999. Pp. 116-132.

Terbish, 2022 – *Terbish B. The Kalmyk Khanate under the Russian Empire: Administration, Religion, and Identity (1700–1771).* Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2022. 92 p.

References

Abuseitova et al., 2024 – *Abuseitova, M.Kh., Tabylnbaeva, Z.S., Shaimardanova, N.Zh. (2023). Kartografiya Velikoy stepi v epokhu geograficheskikh otkrytiy [Cartography of the Great steppe in the epoch of geographical discoveries].* Almaty: «Shygys pen Batys». Pp. 76-129. [in Russian]

Batmaev, 2022 – *Batmaev, M.M. (2022). Kalmyki v XVII–XVIII vv. Sobytiya, lyudi, byt [The Kalmyks in the 17th–18th centuries. Events, people, way of life]. 2-e izd., ispr. i dopoln..* Elista: KalmNTs RAN. 440 p. [in Russian]

Bichurin, 1991 – *Bichurin, N.Ya. (1991). Istoricheskoe obozrenie oyratov, ili kalmykov, s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of the Oirats, or Kalmyks, from the 15th century to the present].* Elista: Kalm. kn. izd-vo. 127 p. [in Russian]

Blaeu, 1635 – *Blaeu, G. et J. (1635). Tartaria sive Magni Chami Imperium [Tartaria or the Empire of the Great Khan].* Amsterdami. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b531429554/f1.itemr=Willem%20Blaeu%20tartatia.zoom#>

Blaeuw, 1630 – *Blaeuw, W.J. (1630). Asia noviter delineata [Asia Newly Delineated].* [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8592750q/f1.item.r=Asia%20noviter%20delineata%20Blaeu,%20Willem%20Jansz#>

Bulag, Fuerwa, 2022 – *Bulag, U.E., Fuerwa, D. (2022). Torghuts' Westward Migration to the Volga Region: Oirats, Empire, and the Politics of Return.* Cambridge: University of Cambridge Repository. 115 p.

Dorzheva, 2002 – *Dorzheva, Ye.V. (2002). Iskhod kalmykov v Kitay 1771 g. [The exodus of the Kalmyks to China in 1771].* Rostov-on-Don: SKNTs VSh. 212 p. [in Russian]

Duval, 1664 – *Duval, P. (1664). L'Asie [Asia].* [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8468663s.r=L%27Asie%20%20par%20P.%20Duval.%201664?rk=21459;2#>

Duval, 1684 – *Duval, P. (1684). Le Grand Continent [The Great Continent].* [Electronic resource]. URL: <https://ryhiner.ub.unibe.ch/en/world/volume/429/image/8901>

Hodarkovskiy, 2022 – *Hodarkovskiy, M. (2022). I vstretilis' dva mira: Rossiya i kalmytskie kochevniki (1600–1771) [And Two Worlds Met: Russia and the Kalmyk Nomads (1600–1771)].* Elista: KalmNTs RAN. 374 p. [in Russian]

Hondius, 1606 – *Hondius, J. (1606). Tartariia (Tartaria) [Tartary].* Amsterdam. [Electronic resource]. URL: <https://www.christies.com/en/lot/lot-5780472>

- Istotiya., 2005** – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI – XX vv. [History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th – 20th Centuries]. In 10 volumes. Vol. 2. Almaty: Daik-Press. (2005). 721 p. [in Russian]
- Jenkinson, 1562** – *Jenkinson, A.* (1562). *Nova Absolutaque Russiae Moscoviae et Tartariae description* [A New and Absolute Description of Russia, Muscovy, and Tartary]. [Electronic resource]. URL: <https://bibliotekacyfrowa.pl/dlibra/publication/edition/40845>
- Karta., 1792** – Karta Rossiyskoy imperii [Map of the Russian Empire]. (1792). [Electronic resource]. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/97/Russian_Empire_1792_Map.jpg [in Russian]
- Kitiniv, 2024** – *Kitinov, B.U.* (2024). *Lamas and Oirat Migrations: Religion and the Exodus of the Main Part of Kalmyks in 1771. Religions and Society in Central Asia and the Himalaya*. Vol. 71. Kathmandu: Digital Himalaya Publications. Pp. 19-40.
- Kolesnik, 2003** – *Kolesnik, V.I.* (2003). *Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noy Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh* [The last great nomadism: the Passage of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. M.: Vost. lit. 285 p. [in Russian]
- Krueger, 1974** – *Krueger, J.R.* (1974). *The Kalmyk-Oirat Migration and the Russian Empire*. *Central Asiatic Journal*. 18(3). Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag. Pp. 204-220.
- Kundakbaeva, 2019** – *Kundakbayeva, Zh.* (2019). *Organizatsiya imperskogo prostranstva v kochevoy srede: Kazakhi i volzhskie Kalmyki v orbite vnimaniya Rossii v XVIII veke: monografiya* [The organization of imperial space in a nomadic environment: Kazakhs and Volga Kalmyks in Russia's orbit in the 18th century: monograph]. Almaty: Kyzak universiteti. 384 p. [in Russian]
- Kurlapov, 2013** – *Kurlapov, A.Z.* (2013). *Yaitskie-ural'skie kazaki. Povsednevnyaya zhizn' i prazdniki*. T. 2. *Istoriko-kraevedcheskoe izdanie* [Yaik-Ural Cossacks. Daily Life and Holidays. Vol. 2. Historical and Local History Edition]. 672 p. [in Russian]
- Maksimov, 2022** – *Maksimov, K.N.* (2002). *Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII – XX vv.)* [Kalmykia in the national policy, system of power and administration of Russia (17th – 20th centuries)]. M.: Nauka. 524 p. [in Russian]
- Nolin, 1740** – *Nolin, J.-B.* (1740). *Carte de L'Asie Septentrionale ou de la Tartarie Suivant les nouvelles decouvertes* [Map of Northern Asia or Tartary According to New Discoveries]. [Electronic resource]. URL: <https://antikvaria.ru/product/antikvarnaya-karta-severnoy-azii-ili-tartarii-1740-e-gody/>
- Novoletov, 1884** – *Novoletov, M.* (1884). *Kalmyki: istoricheskiy ocherk* [The Kalmyks: historical sketch]. Saint Petersburg: Izd. vladel'tsa Maloderbet. ulusa Noyona Tseren-Davida Tundutova. 79 p. [in Russian]
- Ochir-Garyaeva et al., 2019** – *Ochir-Garyaeva, I.K., Komandzhaev, E.A., Buluktaeva, K.Yu.* (2019). *Legal Framework For Activities Of Kalmyk Governing Bodies In The 18th Century*. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. Pp. 904-913. DOI: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.105>
- Omakaeva, 1999** – *Omakaeva, E.U.* (1999). *Kalmyks after the Year 1771: The Religious Factor and Ethnic Identity*. *Journal of Oriental Studies*. 8(3). Moscow: RUDN University. Pp. 116-132.
- Posol'skie knigi., 2024** – *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Kalmytskim khanstvom. 1675–1677, 1683–1684 gg.* Sb. dok. [Ambassadorial books on Russia's relations with the Kalmyk Khanate. 1675–1677, 1683–1684. Collection of Documents]. Elista: KalmNTs RAN, 2024. 372 p. [in Russian]
- Speed, 1627** – *Speed, J.* (1627). *A Newe Mape of Tar* [A New Map of Tartary]. Fond Karty PUB0049925, 0005. Korolevskaya biblioteka Shvetsii [Royal Library of Sweden].
- Terbish, 2022** – *Terbish, B.* (2022). *The Kalmyk Khanate under the Russian Empire: Administration, Religion, and Identity (1700–1771)*. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences. 92 p.
- Toropitsyn, 2016** – *Toropitsyn, I.V.* (2016). *Sluzhba kazach'ey komandy pri kalmytskikh delakh v pervoy polovine XVIII v.* [Service of the cossack detachment in Kalmyk affairs in the first half of the 18th century]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2: 23-42. [in Russian]
- Tursynov i dr., 2017** – *Tursynov, Ye.Zh. i dr.* (2017). *Zhyrau: status, kul'tura, mirovozzrenie* [Zhyrau: Status, Culture, Worldview]. Semey. 325 p. [in Russian]

Калмыцкий фактор в истории Казахской степи: миграции и «Великое последнее кочевье» 1771 года

Ернар Муратович Ужкенов ^a, Зауре Сыздыковна Табынбаева ^a, Галия Айтжановна Шотанова ^{b,*}

^a Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: e81g@mail.ru (Е.М. Ужкенов), uly.dala2024@mail.ru (З.С. Табынбаева), sh.galiya08@gmail.com (Г.А. Шотанова)

Аннотация. В данной статье рассматривается один из самых малоизученных периодов в истории Казахстана, начало которого приходится приблизительно на 1600 год. Весь XVII век являлся временем больших перемен в истории Великой Степи. Всеобщая децентрализация сопровождалась постепенным угасанием осколков Золотой Орды и приходом новых народов. Быстрая смена недавно могущественных государств и новые угрозы заставили местные народы трансформироваться. Трансформации подверглись не только территории государств, но зачастую и сам образ жизни, военная тактика и стратегия, а также повседневная жизнь, что в итоге приводило к изменениям обычаев и традиций. Под влиянием военной опасности казахи были вынуждены перейти от относительно медленных кибиток, характеризующих предыдущую эпоху, к более мобильным юртам.

Катализатором этой опасности стало продвижение калмыков на запад в поисках новых мест для поселений. Слабость погруженных в междоусобицы главных кочевых государств региона, Ногайской и Казахской орд, позволила калмыкам добиться немалых успехов. Относительная стойкость государственных институтов Казахской Орды позволила не только отстоять некоторые свои территории, но и впоследствии отвоевать потерянные. Более того, на определенных временных отрезках сами калмыки входили в состав Казахского ханства. Не последнюю роль сыграло в этом чингизидское происхождение казахских ханов, а также относительная многочисленность населения Степи. К примеру, даже после ряда поражений ногаев от калмыков, последние с трудом добились вытеснения ногаев из степей Западного Казахстана только в середине XVII века.

Широкое расселение калмыков на территории Казахской степи хорошо известно благодаря историческим картам и письменным источникам. Казахско-калмыцкие отношения особенно широко представлены в русских источниках. Благодаря близости Степи к границам Московского царства, чиновники и Посольский приказ пристально следили за всеми изменениями в плане доминирования в Степи. Особое значение придавалось условиям временных или долгосрочных соглашений между казахами и калмыками. Относительная слабость военных гарнизонов в районе степного фронта, а также период Великой Смуты в самой Московской Руси заставляли пристально наблюдать за возможным союзом главных центров силы в степях.

Калмыки, будучи одними из главных акторов в центральноазиатских политических событиях XVII века, при общем движении на запад сохраняли относительную самостоятельность друг от друга. По сути, их наступление на Казахскую степь было миграцией отдельных племён и родов, сохранявших общую тенденцию к берегам Каспийского моря. Лишь слабость той же Ногайской Орды, а позже и её окончательная децентрализация позволили им закрепиться в отдельных районах Казахстана, а затем и на бывших кочёвках ногаев.

Историческая роль калмыков в складывании собственно Казахского государства остаётся малоизученной и недооценённой, что мешает объективной реконструкции общей истории Казахстана.

Ключевые слова: Казахская степь, казахи, калмыки, история Казахстана, кочевники, миграция, XVII век, историческая география.